

Влад Озер

ВДВ. ДИВИЗИЯ НА КАВКАЗЕ

98-я ВДД. Усмирение

Влад Озер

**ВДВ. Дивизия на Кавказе.
98-я ВДД. Усмирение**

«Издательские решения»

Озер В.

ВДВ. Дивизия на Кавказе. 98-я ВДД. Усмирение / В. Озер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936731-0

Книга будет интересна всем любителям новейшей истории и приключений.
Здесь читатель узнает, как «империя СССР» проводила безуспешные попытки
самосохранения с помощью своих «элитных» десантных войск.

ISBN 978-5-44-936731-0

© Озер В.
© Издательские решения

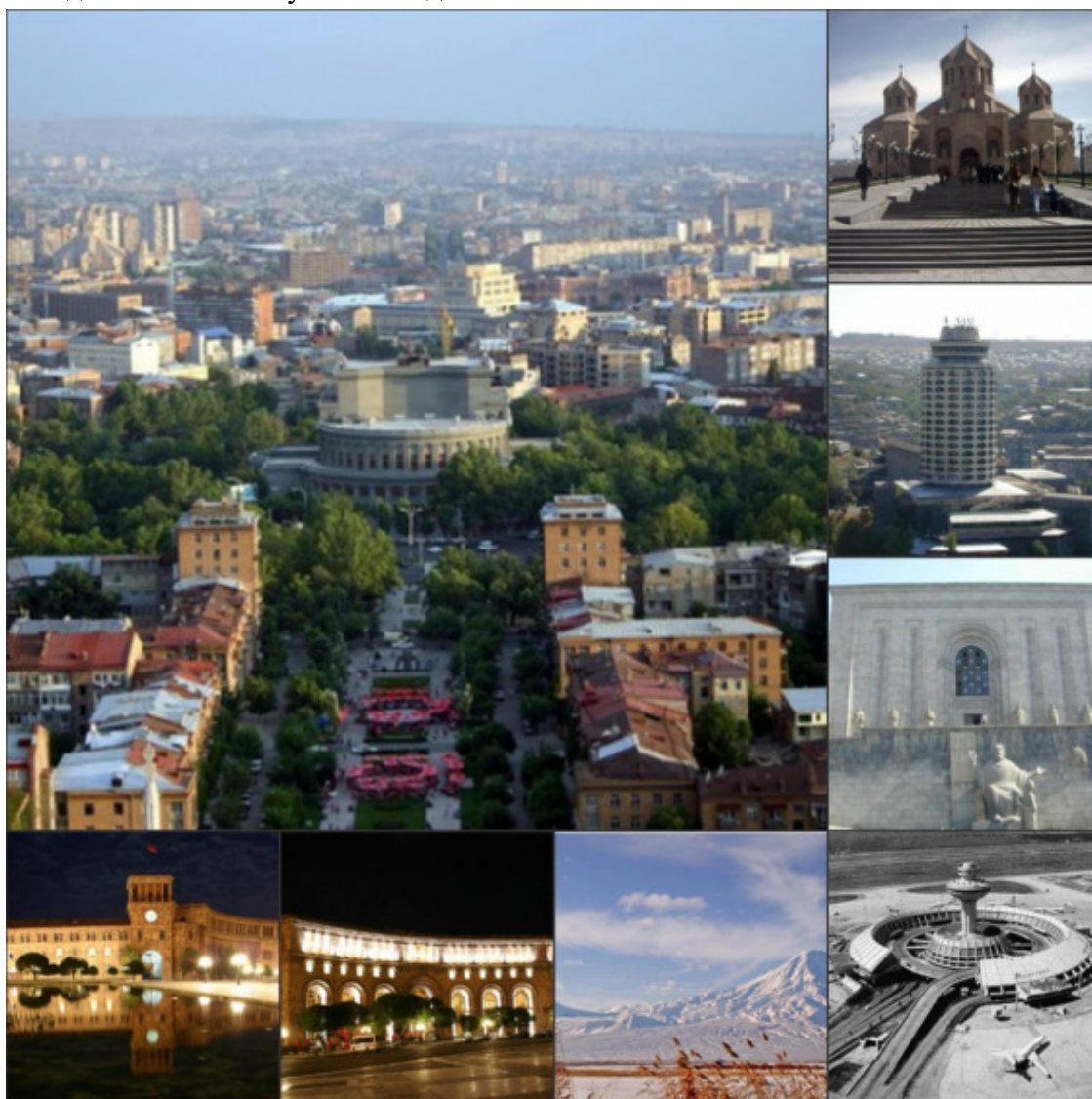
ВДВ. Дивизия на Кавказе 98-я ВДД. Усмирение

Влад Озер

© Влад Озер, 2018

ISBN 978-5-4493-6731-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Ереван

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО:

Ереван.

Первый прилет.

«Казаки горбачева». Так нас, десантников, стали называть в дерьмократических СМИ, после наведения порядка в Ереване, Баку, Тбилиси и прочих, южных горячих точках СССР.

Пока я возился с «партизанами», враги не дремали. «Перестройка» начала где медленно, кое где и побыстрее, переползает в фазу перестрелки. Запылала окраины Советского Союза. Сформировались массовые, в том числе радикальные и националистические движения и организации. В период 1989—1991 годов доходит до максимума главная проблема советской экономики – хронический, искусственно созданный пятой колонной, товарный дефицит – из свободной продажи исчезают практически все основные товары, кроме хлеба. Практически во всех регионах страны вводится нормированное снабжение в форме талонов.

На территории СССР разгорается ряд межнациональных конфликтов.

Первым проявлением напряжённости в период Перестройки стали события в Казахстане. 16 декабря 1986 года в Алма-Ате состоялась демонстрация протеста после того, как Москва пыталась навязать на пост первого секретаря ЦК КП КазССР своего ставленника Г. Колбина, работавшего до этого первым секретарем Ульяновского обкома КПСС и не имевшего к Казахстану никакого отношения.

Эта демонстрация была подавлена внутренними войсками. Некоторые её участники «пропали без вести», либо попали в тюремное заключение. Эти события известны под названием «Желтоксан».

В июне 1989 года вспыхивают межэтнические столкновения в Новом Узене между казахами и выходцами из Кавказа, для подавления которых были задействованы бронетранспортеры, танки, боевые вертолёты и другая военная техника. 15—16 июля в Сухуми произошли столкновения между грузинами и абхазами.

Наибольшей остротой отличался, начавшийся в 1988 году карабахский конфликт. Происходят взаимные этнические чистки, начинается исход армян из Азербайджана и азербайджанцев с курдами-мусульманами из Армении. В 1989 году Верховный Совет Армянской ССР объявляет о присоединении Нагорного Карабаха. Летом того же года Армянская ССР вводит блокаду Нахичеванской АССР, а Народный фронт Азербайджана в качестве ответной меры объявляет экономическую блокаду всей Армении. В апреле 1991 года между двумя советскими республиками фактически начинается война.

Противостояние Армении и Азербайджана в Нагорном Карабахе, трагические события в Сумгаите в феврале 1988 года – все это сказалось на общей обстановке в когда-то братских республиках. Массовые демонстрации и митинги быстро переросли в кровавые столкновения. Принятые правоохранительными органами и имевшимися войсками меры, результата почти не дали. При попустительстве местных властей гибли мирные жители, разрушались дома, предприятия. Появилась реальная угроза экономической и социальной катастрофы.

С лета этого же года нарастает число нападений на военнослужащих и военный автотранспорт, блокируются военные городки и штабы воинских частей. Подвергаются нападениям жилые городки семей военнослужащих. Дело дошло до захвата в июле аэропорта Звартноц и паралича воздушного сообщения Армении с другими городами СССР. Общий поток националистических акций стал приобретать характер разрушающего хаоса.

К осени 1988 года ситуация еще более осложнилась. Насилие распространилось из городов в сельские районы, а на границе республик, как в раннем Средневековье, «боевики» обеих сторон «меняли» группы разутых и раздетых беженцев поштучно, как скот... Все эти тысячи людей погибли бы в горах.

В этих условиях в целях урегулирования обстановки в регионах, руководством страны и Вооруженных Сил было принято решение привлечь к проведению «специальных операций» личный состав Воздушно-десантных войск. Для предотвращения кровопролития и создания нормальных условий мирного решения проблем в сентябре 1988 года в Армению были переброшены в том числе и части 98-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

...Были сборы не долги. По «зеленому» свистку дивизия запрыгнула в привычные для нас ИЛы-76-е. По три БМД и одной колесной машине, плюс личный состав в составе рот на борт. Погрузка происходила не так быстро, как я это пишу. Мы, конечно, успевали намазаться на аэродроме, и проголодаться, но никто не интересуется состоянием наших желудков. Продовольственной службы дивизии в таких случаях и близко нет. Устав от ожидания своей очереди на погрузку, заползаю среди ночи на носилки в свою «родную санитарку», прошу водилу без причины меня не кантовать и засыпаю.

Просьпаюсь от того, что сквозь сон услышал, как шасси самолета коснулись бетонной полосы. Пока я спал, мы загрузились и совершили перелет. Через пару минут выезжаем из брюха самолета и пристраиваемся в колонну. Время пять утра. Зябко.

– Где мы? – спрашиваю у своего водителя?

– Сказали, что это Ереван, – бубнит мой Иван Киреев, стараясь не отрываться от впереди идущей машины в колонне.

Огибая оригинальное, дотоле мною не виданное, здание аэропорта, выезжаем на трассу. Выглядываю в окно и читаю на фасаде аэровокзала «ЗВАРТНОЦ». По еще пустынным в утренние часы улицам, в течении получаса проникаем в центр армянской столицы. Здесь все для меня совершенно непривычно. И дома и улицы, и вывески и серпантины, по которым мы карабкаемся то вверх, то вниз. Я впервые в жизни попал в горную местность. Абсолютно не владею обстановкой. Да, мне пока этого и не надо. Кто – то знает, куда надо ехать, где наша остановка. Кто – то ведет колонны гусеничной и автомобильной техники.

Наше дело – медицинское обеспечение в любых условиях и ситуациях. Для этого с каждой частью прилетели свои медпункты, со своими и приданными для усиления врачами из медицинского батальона. У меня с собою тоже на всякий случай имеется медицинская сумка, но это так, на всякий случай. А в общем – то задачи нашей лаборатории и в этих условиях не меняются. Даже наоборот, ужесточаются. Контроль, и еще раз контроль, за тем, чтобы личный состав частей дивизии не подвергся какому – либо массивному инфекционному заражению, и прочему поражению. Особенно, в нынешних, непривычных, полевых условиях горной местности.

Заезжаем в расположение какой – то воинской части, как будто в самой высокой точке города. Как потом оказалось, это штаб местной армии. Младшие офицеры управления и я в их числе, быстро скучковавшись в курилке, стали решать, где перекусить, потому что солдат уже пригласили к полевой кухне, а мы, вроде как, и не пришей кобыле хвост. У местных солдат на КПП уточняем, где ближайшая городская столовая. Оказывается, для этого нужно спуститься метров двадцать по ступенькам крутой лестницы, на ближайшую террасу.

Находим, заходим в стандартную, но просторную стекляшку. Занимаем столик в практически пустом зале. Навстречу нам из-за перегородки выходит здоровенный, полубритый армянин. Ему портовым грузчиком работать бы впору, а еще лучше на армяно-азеровскую границу, земляков защищать. А он, то ли бармен, то ли официант. Набывшись, из под лба, зыряка недовольными зенками на «оккупантов», интересуется глухим голосом, чего мы будем кушать.

- А что имеется?
- Из горячего толко костаница.
- А что это такое?
- Мясо на косточках и картошка.
- Неси. И чай.
- Харашьо.

Прошло с полчаса. Приносит, расставляет тарелки. На каждой из них лежит по паре вареных картофелин и по большому, совершенно голому, то ли бычьему, то ли бараньему, суставу.

- Что это такое?
- Костаница.
- А где мясо?
- Ано здесь по менью нэ прэдусмотрено.
- Таку мать! А что же здесь жрать?
- Нэ хатитэ, можетэ нэ кушать.
- И что оно стоит?
- Шэст рублэй порция. За такую сумму, в столовых нашего Болградского военторга или в общепите тогда еще можно было обожраться.

Только учитывая мольбу пустых желудков, мы приступили к употреблению этого первого в нашей жизни армянского блюда. То есть быстро проглотили горячую картошку. Обнюхали многократно еще парующие мениски. Выпили чай с кусочками лаваша. Бросили рубли на стол и голодные, затаив зло на гостеприимность аборигенов, покинули точку местного общепита. Первый контакт с туземцами состоялся.

217 гвардейский парашютно-десантный полк под командованием командира полка гвардии полковника Калабухова Г. А. был направлен в город Октемберян, затем обеспечивал порядок в городе Степанакерт.

299 гвардейский парашютно-десантный полк под руководством командира полка гвардии подполковника Карпова Р. С. выполнял задачи в г. Ленинакан. Старшим от соединения с полком был назначен начальник ПВО дивизии гвардии полковник Цымбалару А.А, под руководством которого в течение недели были арестованы находившиеся в Ленинакане руководители и члены националистического комитета «Карабах», после чего в городе сразу воцарилось спокойствие. В дальнейшем полк был переброшен в район аэропорта Еревана Звартноц, где уже находился 300 гвардейский парашютно – десантный полк.

Личный состав этого полка под командованием командира полка гвардии подполковника Калмыкова А. П. сразу по прибытии в Армению без промедления начал наводить порядок в аэропорту, где группы молодежи «потрошили» прибывавшие самолеты с гуманитарной помощью, в первую очередь, иностранной.

1065 гвардейский артиллерийский полк (командир полка гвардии подполковник Медведев В. С.) был размещен в г. Ереване.

Действиями десантников руководил командир дивизии гвардии генерал-майор Александр Алексеевич Чиндаров. Все планирование и контроль за выполнением полками поставленных задач легли на плечи начальника штаба группировки гвардии полковника С. Гнатюка.

Все наши полки, и штабы разместились на базе частей местных гарнизонов. Командир дивизии со своими заместителями под свои апартаменты «захватили» здание медицинского пункта одного из местных полков. Под спальное помещение для офицеров штаба дивизии была определена студия гарнизонного оркестра. То есть выгнали мне неведомо куда местных музыкантов вместе с их трубами. Для нас поставили рядами солдатские кровати на двадцать человек.

– Живите, товарищи офицеры, и радуйтесь, вы благоустроены

Бывшие разделочные цеха местной солдатской столовой превратили в комнаты приема пищи для «гаспод охвицэров». Пища, соответственно, из общего солдатского котла. Только подавалась на тарелках, а не в котелках. Отвык я давно, конечно, от таких условий существования, но кто бы еще интересовался моим мнением... Я, конечно, не говорю о нашей верхушке. Судя потому, что на какие – либо расстройтва они к нам, медикам, не обращались, то питались, видимо, по ресторанам. Шучу, конечно. Питались они, генерал с замами, где придется, но зачастую, там же, в захваченном медпункте или в офицерских столовых местного военотрга.

Так как полки дивизии были раскиданы на приличном расстоянии друг от друга, по периферии города, а управление находилось в его центре, то мне приходилось много и непрерывно ездить. Точек по городу и за его пределами, где находились наши солдаты и офицеры, было много. Это и всевозможные блокпосты и охрана правительственных объектов. Поездки по незнакомому городу и его окрестностям мне нравятся. Передвигаться по долинам и по взгорьям совсем не то, что по плоским равнинам. Здесь свои особенности.

– Товарищ старший лейтенант, смотрите, что – то непонятное творится, – гундосит мой Иван, – двигатель в машине заглох, а машина, тем не менее, сама поднимается в гору...

Я пощупал двигатель под своей левой рукой, он, действительно, молчал, а УАЗик тем не менее со скоростью пешехода полз вверх. Чуть позже читал я в газетах, что в этом и других местах горных дорог имеются какие – то то ли магнитные, то ли еще какие – то аномалии, которые и вытворяют эти чудеса.

Другие иллюзии творятся здесь со зрением. Едем по периферии города. Впереди вырисовывается какой – то микрорайон. Ухоженные ровными рядами дома, улицы и аллеи с зелеными насаждениями.

«Ух ты, а чего – то я раньше вроде не замечал никакого населенного участка?» – думаю сам про себя.

– Иван, ты видишь вон там, впереди от нас какой – то город? – на всякий случай пытаюсь я свериться со своим водителем. – То ли только у меня миражи перед глазами, то ли это реальный город.

– Да, действительно, какой – то пригород, но вчера его как будто не было в том месте.

– Ну сейчас проверим, давай по газам!

Подъезжаем впритык, а это всего лишь красиво ухоженное кладбище. Как потом мне рассказывал местный прапорщик, здесь у них вообще культ в захоронении родственников. И стоит вся процедура очень дорого.

Не смотря на «юга», осень и зима, особенно в горах, не самое лучшее время жить в полевых условиях. Форма одежды наших солдат: нательное, зимнее и летнее белье (сорочки-кальсоны, тельняшки). ПШ, а сверху та самая куртка —«десантура», то есть хэбэшнo-ватный бушлат, десантный вариант, с огромным натуральным меховым воротником. Шапка-ушанка на голову, сапоги-ноги в портянки. Плюс каска и бронежилет. Автомат на грудь, самодельную дубину из толстого кабеля в руки. Вот и вся носимая с собою экипировка.

Ночлег проводят в лучшем случае по ближайшим подвалам, в худшем- под мостами, виадукaми, под заборами. Прокладкой между сырой землей и телом советского десантника служила СПП-1. (Специальная плащ палатка с надувной подушкой и надувным матрасом). И то благо.

Форма офицеров, и моя в том числе: фуражка, повседневное обмундирование в сапоги, та же десантура сверху. Нижнее белье на свое усмотрение, кто что имеет. Плюс, самый согревающий элемент-ремень с портупейей. Кому хотелось, таскали пистолет.

Я ночью не постоянно в помещении местного оркестра, а периодически и там, где меня застанет ночь вместе с комендантским часом, хотя на лобовом стекле моей машины постоянно имеется свежий круглосуточный пропуск по всему гарнизону. Мой новый шеф Вознюк тоже здесь, но чем он занимается, я не вникаю. Он по Армении не мотается, сидит в управлении, доклады в Москву сочиняет, свои вопросы решает. И мне оно ни к чему, у меня здесь своих дел выше крыши.

Так как наш личный состав занимается охраной всех важнейших коммуникаций в двух республиках и плюс размежеванием-отправкой-встречей населения, то и мы, медики, постоянно в этой гуще. Солдаты внешне выглядят далеко от уставного идеала. Подзаборная жизнь не способствует тому, чтобы выглядеть с иголочки, но десантную выправку и молодецкaтый вид сохраняют, несмотря на не самые лучшие в их жизни условия службы. При этом практически отсутствует инфекционная заболеваемость, и почти никто не жалуется на здоровье. Полуфронтoвой стресс и приобретенная в службе закалка, видимо, этому способствуют.

В то же время подразделения продолжали заниматься боевой и политической подготовкой, обслуживанием и ремонтом техники.

Особенно впечатляло местное население занятия рукопашным боем в составе подразделений и исполнение строевых песен. А состояние воинской дисциплины просто шокировало «местных» офицеров и прапорщиков. Наши солдаты быстро научили и приучили солдат местных гарнизонов уважать старших по званию и отдавать воинскую честь. Ереван впервые увидел солдат, которые не берут взятки при осуществлении комендантского часа и выполняют приказ своих командиров, не взирая на лица. Так, председатель Совета Министров АрССР после остановки на посту в районе площади Ленина в Ереване, пешком пошел за пропуском.

Проходит первая неделя нашего здесь пребывания. Мы уже более-менее пообтерлись. Ознакомились с городом и окрестностями. Начинаем привыкать к необычному ассортименту товаров в магазинах и на местных рынках. Наглядно ощущается близость границ со странами востока. Китай, Индия, Иран, Афганистан с учетом продолжающейся «перестройки», быстро наладили поставку ширпотреба. От ярких упаковок на различных безделушках с непривычки в глазах рябит.

Офицеры и прапорщики, в первую очередь, кинулись скупать оптом и в розницу женские сапоги местного производства. Армяне, оказывается, известные сапожники. Я попал впервые на рынок, поразился обилию всевозможных восточных сладостей, типа халвы и ее производным. Нуга, рахат-лукум, козинаки, пахлава, карамель, мармелад... От разнообразия форм и расцветок глаза разбегаются в разные стороны. Запахи щекочут в носу, слюна чуть не капает самопроизвольно, хотя я и не был никогда сладкоежкой. Тем не менее, кое что приобрел и продегустировал.

Торгаши любому покупателю рады, независимо от того, во что он одет и обут. А вот основная часть, особенно молодого мужского и женского населения, от нас демонстративно воротят нос, и отводят глаза в сторону. Особенно наглядно это видно, когда проезжая по городу, видишь толпу на остановках общественного транспорта. В ответ на мой «искренний» взгляд из кабины машины, они дружно переводят свои глаза вниз, в сторону, вверх и чуть ли не поворачиваются спиной. А молодежь мужского пола до тридцати, так еще и хищно сверкают своими глазенками, чуть ли не шелкая полу небритыми челюстями. Такое впечатление, что как будто мы не помочь им прибыли, а оккупировав их территорию, грабим и насилуем, не покладая рук. Вот такая она, своеобразная благодарность от хачиков.

Я лично особо не в обиде. Что с них возьмешь, они же как дети. Догадываюсь, что усиленно работает вражеская пропаганда по разложению братских отношений между народами СССР. Понимаю, что придет время и очень многие пересмотрят свое поведение, пожалеют о нем и не раз. Но уже будет поздно. На стеклах многих «Жигулей» мелькают надписи разными шрифтами со словом «Карабах». Это называется, никто и никому, не хотел уступать. Пока жили в более-менее дружной семье, СССР, места и земли всем хватало. Как только в игру совали нос семиты, науськивая ниционалистов, мгновенно кому- ни будь поперек горла становилась национальная квартира.

Эта несчастная автономная карабахская область, ничем особо, кроме каменистой территории, не примечательная, хотя согласно экспедиции, проведенной Азербайджаном в советские годы в Шаумяновском и Кашатагском районах НКР имеются следующие запасы руд металлов: золото – 1250 тонн, серебро – 4550 тонн, медь – 1840 тысяч тонн, свинец – 660 тысяч тонн, цинк – 775 тысяч тонн, кобальт – 150 тысяч тонн, хром— 2250 тысяч тонн. Также имеются значительные запасы алюминиевого сырья (до 120 млн. тонн) и железных руд с содержанием железа до 45 – 55%.

Ну, вот ее, как предмет векового спора, и нужно было разыграть. И поставить во главу вопроса. В очередной раз должны были с обеих сторон сложить головы тысячи лучших парней в попытке кому – то, чего – то доказать. Ну, ладно, нас, прибывших тогда, как третьейская сторона, вроде как особо – то и не задевало. «Подумаешь, чурки камни делят- не поделят. Пусть режут глотки друг другу, -думали мы про себя. – Они ведь нам всем тогда по Союзу осточертели со своими шнобелями по всем базарам и ресторанам. Мы, славяне, ведь умнее, у нас то до этого не дойдет.»

Как оказалось, ничего бесследно не проходит. Докатилось и до нас, мы еще тупее. У нас ведь и своих «гордых» горцев, нацистов предостаточно. Делим теперь территории шахтерских степей. Далекое не все до сих пор понимает, что нас тоже стравливают все те же, у которых на руках банки, фабрики и заводы. Средства массового оболванивания, и все рычаги власти. Одни кладут головы за, якобы, «ридну мову», другие спасают от первых, православие.

Положение дел менялось буквально на глазах: прекратились массовые грабежи, провокации, возобновилась работа предприятий, с перебоями, но шли занятия в школах и вузах, но удивительным было другое. Офицеры и даже солдаты пошли на предприятия, в школы, в органы управления, основные вузы с разъяснительной работой. К сожалению, офицеров ВДВ в народе видели чаще, чем представителей власти. Через взятые под контроль коммуникации началось организованное перемещение беженцев в основном из Армении и Азербайджана. С ноября десантники начинают организацию эвакуации и сопровождение поездов и автоколонн с беженцами в обоих направлениях.

Наши солдаты своей грудью прикрыли простой народ от озверевших нацистов с обеих сторон. Пришлось работать разграничительными кордонами, чтобы мирно развести еще совсем недавно полностью перемешанный между собой народ. В АзССР по состоянию на 1987 год проживало 6 млн. 811 тыс. из них армян – 510 тысяч. В АрССР 3 млн. 412 тыс. из них азербайджанцев – 175 тысяч. Нагорно – Карабахская Автономная Область (НКАО) в составе Аз. ССР. Население 183 тыс. в т.ч. армяне- 140,5, азербайджанцы-39,8тыс., русские-1200 чел., греки-800 чел. Вот эти тысячи нам и предстояло развести в разные стороны, и желательно, без кровопролития.

Прошла неделя, народ подустал, но никто не ропщет. Мой шеф засобирался домой, в Болград. Вызывает меня, и сообщает, что ему здесь делать нечего. И что он, мол, решил вопрос с командиром дивизии, чтобы оставить меня за старшего здесь, а он уедет рулить теми остатками которые на зимних квартирах.

– Не понял. Вы что это меня под танки бросаете? – начинаю с места в карьер наезжать на своего добродушного начальника.– С каких это пор старлей стали заруливать дивизионной службой?

– Тише, Кирилыч, тише, – и показывает пальцем наверх. -Это не я, это Солнцев приказал прокрутить тебя по полной на самостоятельной работе. Я так понял, что у него какие – то особые виды на тебя. Да и Чиндаров считает, что ты вполне в состоянии справиться. Так что я удаляюсь завтра, а где –нибудь через месяц сменю тебя.

Мне оставалось покориться.

На завтра была суббота. В пятнадцать часов совещание у комдива. А затем один из бортов убывал с «уставшими» домой.

Вознюк уговаривает меня идти на совещание, а он, мол, уже не у дел. Я пытаюсь ему объяснить, что у Чиндарова такой номер не проходит. Пока он здесь, нужно или идти вместе или еще ему одному.

– Да ладно, иди сам, он уже ничего не скажет.

– Тогда стойте где – то рядом до начала совещания, – уговариваю я его. А сам прохожу в зал совещаний. Там публика, все не ниже майоров. Я один зеленый старлей. Все командиры частей, начальники служб дивизии и заместители командира дивизии. Пытаюсь забиться в какую -нибудь щель, чтобы меня не было видно. Открывается дверь, в проеме появляется физиономия Чиндарова, и сразу же раздается истеричный вопль.

– Вознюк!!! Я не понял! Что здесь делает твой старлей? Пока ты здесь, мне не нужны твои заместители!!!

Я, не дожидаясь развязки, вышел, даже не понял, как оказался в коридоре, по – моему телепортировался через головы присутствовавших на моем пути, и уже бежал по ступенькам со второго этажа на первый.

– Бегом, бегом а то его сейчас кондрашка хватит! – прокричал я стоявшему на улице, в курилке, Вознюку. Через полтора часа Вознюк оправдывался передо мною. Мол, не знал, что он такой холерик. Вроде, мы все с ним решили...

– Зато я знаю, какой он. Не много, но вот уже два года, как знаю. Так что иногда нужно и меня слушать и слышать.

После чего шеф отчалил на зимние квартиры.

И остался я совершенно один, среди чужих и диких. Самый мой ближайший родственник в дивизии на сегодня был все тот же комдив. Хоть и говорят, что лучше быть сиротой, чем иметь таких родственничков, но в данном случае это было не так. С сегодняшнего дня я регулярно присутствовал исключительно среди майоров- подполковников и полковников. Под руководством целого генерал – майора. Далекое не всем старлеям так «везет».

Самое удивительное в этой ситуации заключалось в том, что все, что я накопаю в частях и подразделениях дивизии, должен был оформлять в виде актов обследования санитарного состояния частей и выкладывать непосредственно на стол генералу. С целью предотвращения все той же инфекционной заболеваемости личного состава частей дивизии, я обязан был, как крот рыть и выносить на поверхность. Копать и представлять пред ясные очи. Естественно, мало кому, а чаще всего никому из командиров частей это не могло нравиться.

Они тут, понимаешь ли, выполняют правительственное задание, а какой то, никому не ведомый таракан копошится в их внутренностях. Мешает зарабатывать ордена и благодарности.

– Товарищ генерал! Да я этого старлея! Да я его в следующий раз, дам команду выловить и... -орет, дико вращая белками глаз, до глубины души возмущенный содержанием моего акта, подполковник Калабухов, командир 217 пдп. Когда комдив на очередном совещании, за бардак в столовой и в казарменных помещениях начинает рассказывать ему, а кто он есть на самом деле...

– А вы только попробуйте, товарищ подполковник! Только посмейте его тронуть! Это мои глаза и уши в ваших частях! И я никому не позволю его даже пальцем тронуть. Озерянин, не обращайте внимания на вопли этих зарвавшихся, и обосравшихся командиров. Надеюсь, все присутствующие меня слышат и поняли, что я не шучу. Нам еще только не хватало свалить личный состав с вашей помощью в местные госпитали. И таким образом реально провалить ответственнейшую задачу партии и правительства. И предупреждаю, кто меня не понял, тому я лично поставлю ведерную клизму с патефонными иглками!

Я сижу и не дышу, забившись в уголок. Ведь во первых, любой из этих командиров завтра-послезавтра может выползти на дивизионный уровень, например, в качестве начальника штаба дивизии, на должность в качестве любого заместителя, а то и стать через небольшое время командиром дивизии. Они будут пытаться нейтрализовать меня с помощью любого

компромата. Теперь мне нужно держать ушки на макушке. Подловят на чем -нибудь и мне не поздоровится. И в то же время я не имею права опускать руки.

Потом, через много лет, некоторые спившиеся и изгнанные из армии майоры и подполковники, будут вкаты из-за угла, что, мол, я стучал на честных командиров и начальников. Что меня недолюбливали. Бедные, они так и не поднялись в своем животном развитии до понимания санитарно-профилактической работы. В то же время любой комдив и вышестоящий начальник, прекрасно понимали необходимость и такой службы в дивизии, и по возможности, всячески поддерживали.

Возвращаюсь на базу после очередной поездки по частям дивизии. На встречу едет УАЗик начмеда местной армии. Я с ним чуть – чуть знаком. Возник перед отъездом познакомил, на всякий случай. И машина у него приметная, красные кресты нарисованы на передних дверках. Разминовываясь, я вежливо отдаю ему честь, он мне тоже козыряет, но вижу, что кроме того он еще машет, чтобы я остановился. Торможу, и выхожу с машины. Полковник идет мне на встречу. Здравуемся за руку.

– Ты в курсе, что один из бойцов твоего полка поступил в инфекционное отделение гарнизонного госпиталя с гепатитом? – спрашивает меня полковник Бец.

– Никак нет, не в курсе, -отвечаю я, а у самого по спине мурашки пробежались от мысли, что мне только этого еще не хватало, вспышки гепатита. Но сразу же перехожу к делу.

– Вы мне гамма – глобулином поможете? -задаю вопрос полковнику.

– Сколько тебе нужно будет доз?

– Пока в расчете на батальон, а там видно будет.

– Хорошо, поедешь в госпиталь, найдешь там медснабженца полковника Скалозуб, скажешь ему, что я разрешил.

– Хорошо, договорились, – радуюсь я, что так быстро решил одну из проблем.

– Но у меня к тебе тоже есть просьба, -говорит местный начмед.

– Слушаю вас.

– Мне нужна санитарная машина, типа твоей. Ты понимаешь, мне поручили выловить по домам членов разбежавшегося комитета «Карабах». А для этого нужен транспорт. А у меня представь себе, во всей моей армии нет на ходу ни одной исправной «санитарки». Можешь ли ты меня выручить?

– Я то могу, и без проблем, но только с разрешения комдива.

– О нет, к нему я не пойду. Говорят что он у вас тот еще самодур.

– Да вы что! – начинаю я переубеждать полковника. – Он отличный мужик. Пошли со мною, он тут рядом, в медпункте. Вот увидите, он не откажет. Бец поверил мне и мы пошли по тропинке в сторону местного МПП. Я иду впереди, заходим в длинный, узкий, темный коридор.

Перед входом в стационар, там где сейчас генеральские апартаменты, стоят два автоматчика. Ну, прямо, как в фильмах про гитлеровский вермахт. Автоматы на животах у двух здоровенных бойцов дивизионной разведроты. Они сначала было попытались перегородить мне дорогу, но затем узнав, расступились.

Полковник от вида такой охраны вообще струхнул и чуть было не развернул в обратную сторону.

– Полковник со мной, – говорю бойцам, и мы проходим. За перегородкой еще темнее, но мои глаза уже адаптировались и я вижу, что со стороны дверей, ведущих в туалет, нам навстречу двигается сам. В тельняшке, сползшей с одного плеча, в спортивных штанах вспучившихся на коленях и стандартным бычком «Беломорины» в зубах, перед нами стоял генерал-майор Чиндаров.

– Здравия желаю, товарищ генерал! Разрешите обратиться, старший лейтенант Озерянин!

– Здравствуй, – и подает мне руку.

– Кого это ты ко мне привел? Проходите сюда, – и показывает рукой в комнату налево.

Проходим.

– Это полковник Бец, начмед местной армии.

– Присаживайтесь.

И при этом генерал подает руку полковнику.

– Слушаю вас.

– Товарищ генерал, – говорю я, – тут такая ситуация, в нашем 217 полку появился один солдат с гепатитом. Он уже лежит в гарнизонном госпитале. Для того, чтобы провести превентивную профилактику, товарищ полковник любезно согласился помочь нам с прививочным материалом.

– Спасибо, товарищ полковник, – выдавил из себя Чиндаров, тем не менее не очень любезно поглядывая на полковника.

– Но у начмеда армии есть к вам тоже просьба.

– Слушаю вас.

– Товарищ генерал, – полковник при этом принял стойку смирно, – мне поручили выловить членов комитета «Карабах», так как они все разбежались.

– Что!!!??? -взорвался, как вулкан Чиндаров. – Они разбежались??? Так это я лично, со своей разведротой их арестовал, а вы всей своей армией не смогли их удержать!!! Да я вас сейчас самого арестую и посажу на гауптвахту!!!

При этом Чиндаров носился по бывшей палате, превращенной в кабинет, как шаровая молния.

Только штыкообразный бычок Беломора зловеще сверкал от частых затяжек в полутемном помещении.

Я уже не рад был, что привел сюда полковника. Втянул голову в плечи и думал только о том, как отсюда выбраться.

– Но учитывая, что вы меня выручаете с прививочным материалом, я дам вам машину.

Чиндаров присел, а затем снова вскочил и закричал:

– Но нет! Нет не дам! Вон отсюда! – подскочил и побежал по кабинету.– Вон, вон пошли! Не дам я вам никакой машины.

Мы пулей вылетели из медпункта. Добежали до своих машин. Я только пожал плечами и развел руками перед полковником. Мол, извините, хотел, как лучше, но и сам не ожидал такой реакции. Полковник покивал головой, и мы разъехались кто куда. Я тут же помчался в другой конец города, в госпиталь. Ковать железо, пока горячо, пока полковник не передумал, и не отменил своего решения по выдаче гамма-глобулина.

Долго ищу, потому что никто почему то не знает такого полковника, который мне нужен. Наконец, в цокольном помещении нахожу кабинет, стучу, захожу. В длинном, ярко освещенном складском помещении, за столом, действительно, сидит холеный, в очках с золотой оправой, и полным ртом золотых зубов, полковник.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться, исполняющий обязанности начмеда воздушно-десантной дивизии, старший лейтенант Озерянин! Полковник, видимо, от удивления, аж привстал из-за стола. Возможно, что ему еще не приходилось встречать старлеев в качестве начмедов дивизии, да еще и десантной.

– Слушаю вас, товарищ старший лейтенант.

– Полковник Бец послал меня к вам.

– А кто это такой? – удивил меня ответом полковник Скалозуб.

– Как? Вы не знаете? Это же начмед местной армии.

– Нет, не знаю. Я сам- то с Москвы, с ревизией здесь нахожусь.

– Ну, вот, а он послал меня к вам, как к своему подчиненному, -удивился я. Полковник при этом поулыбался своей золотой улыбкой и произнес:– Ну, да ладно, если уж вас ко мне прислали, то я вас выручу. Тем более начмеда десантной дивизии. Идемте.

Прошли в какое – то соседнее помещение.

– Сколько вам его надо?

– Пятьсот доз, товарищ полковник. Скалозуб молча отделил на полке энное количество упаковок и упаковал мне в коробку.

– Вот, держите, если что, заезжайте еще.

– Спасибо, товарищ полковник! – расшаркался я и побежал на выход. Заскочил еще в инфекционное отделение и проведаль поступившего бойца. Собрал у него необходимый анализ, чтобы целенаправленно заняться профилактическими мероприятиями в полку. Выезжаю из территории госпиталя, а мне навстречу, прямо на проходной едет тот самый начмед армии.

– Ну что? – через стекло, жестами спрашивает он меня. Я показываю ему, мол, что успел урвать свой кусочек счастья. Он только развел руками, типа того, что жаль, что он не успел отменить свое распоряжение. И выразил удивление, что я его опередил. Мы ударили по газам и умчались в полк, где, возможно, назревала вспышка гепатита.

Через пару дней я снова, почти на том же месте встретил полковника Беца. Поздоровались уже, как старые знакомые.

– А вы знаете, я все таки переменял свое мнение о вашем генерале. Он мне вчера перезвонил. Долго извинялся и просил прощения. Выдал мне и машину и взвод десантников-разведчиков. И мы водворили этих зарвавшихся комитетчиков «Карабаха» на место, то есть в тюрьму,

где им и положено быть. Так что ваш командир – нормальный генерал, и я его теперь понимаю. Спасибо, что познакомили.

От похвалы моего командира со стороны постороннего мне самому было приятно. На том пока и расстались.

Независимо от места дислокации дивизии, мы и здесь проводим ежегодное плановое мероприятие, флюорографию всему личному составу. А это не много и не мало, шесть с половиною тысяч. Это только те, кто находятся здесь, ведь практически все спецчасти остались в Болграде. По договоренности с местными органами здравоохранения, нам выделили ПРК. Передвижной рентген кабинет на базе допотопного автомобиля КАвЗ 685. В течении недели я прокрутил практически сто процентов личного состава

Ашот, разбитной и компанейский, двадцати восьми лет, хозяин ПРК. Он и водитель, он и рентгенлаборант. Запускаем в салон последних три человека из рембата. Прапорщик и два солдата. Пропустили и их. Уточняю у Ашота, когда он проявит пленку и посмотрит результаты последних трехсот обследованных. Только он открыл рот, чтобы мне ответить, как вся машина содрогнулась так, как будто кто – то сильно ее толкнул. Мы посмотрели с недоумением в глаза друг другу. Затем дружно выскочили наружу, потому что машину продолжало трясти.

Обежали вокруг и, столкнувшись лбами, поняли, что никаких внешних факторов вроде нет. Машина стояла посредине большого полкового плаца, и ее никто не мог просто так зацепить. Но в этот момент ощутил под своими ногами колебание всего плаца, как будто я стоял на огромных товарных весах.

– Вольдья, посмотри вон на те трубы, -показывает рукой Ашот на две трубы от котельной в конце плаца. Я увидел, что они как – то странно и дружно раскачиваются. И тут до нас наконец дошло.

– Землетрясение! – дружно и одновременно произнесли мы. И в этот момент все одновременно стихло. Только небольшая рябь, не смотря на отсутствие ветра, сохранялась на лужице рядом с машиной. Мы зашли обратно в машину, и продолжили решать наши вопросы. Я посмотрел на свои часы, время было одиннадцать часов сорок одна минута. Даже не могли и подумать о том, что в этот момент произошло на территории всей республики. Только около часу дня мы узнали по радио о катастрофе в Ленинанкане и Спитаке.

По указанию Московского начальства, артиллерийский полк дивизии был тут же перебросен в полном составе на территорию пострадавшего города Спитак.

2. ВДВ. Спитак, оказание помощи

см. фото: Без комментариев.

И так к стихии безумной, народной, добавился неконтролируемый удар стихии природной. Ее отсчет пошел с 7 декабря 1988 года. Позже появилась следующая сводка военного командования: «В зоне разрушений 21 город и район. Без крова остались свыше полумиллиона жителей. Перестали функционировать более 150 предприятий. Число жертв – около 25 тысяч. Развернуто 27 600 палаток, 180 продовольственных пунктов с раздачей горячей пищи... В расчистке завалов участвуют 18756 военнослужащих».

Когда страна содрогнулась и приспустила флаги, в первом эшелоне спасения двинулся десант. В ночь с 7 на 8 декабря 1065 гвардейский артиллерийский полк, совершив марш-бросок из-под Еревана, прибыл в город Спитак. Приказ о применении ВДВ в данном случае опирался на особенности нашей военной этики – первыми быть всюду, где требуются истинное мужество, самоотверженность, способность сознательно подвергать себя дальнейшим испытаниям и даже риску.

Войдя в Спитак, десантники увидели сплошные руины и пожары. Из оставшихся в живых, одни в ужасе метались между развалинами, другие в оцепенении стояли и сидели у мест, где были их дома. Земля продолжала вздрагивать. И никаких признаков спасательных работ! Десантники гвардии подполковника В. Медведева поняли, что город придется полностью «брать на себя».

Немедленно были взяты под охрану остатки зданий госбанка, сберкасса, ювелирного магазина, РОВД, приступили к раскопкам в разрушенных цехах швейной фабрики, двух школах и детском саду. Работы не прекращались ни поздним вечером, ни ночью. Об отдыхе никто и речи не заводил. Отказывались даже от приема пищи.

За первые полдня сержант М. Челах, старшина Э. Афанасьев, рядовой В. Газалашвили, ефрейторы А. Подворный и В. Шпанников спасли из-под обломков по десять детей.

Под крики и стоны людей десантники майора С. Гужбина ломали и кирками неистово, с нечеловеческим упорством расчищали завалы. Цену промедления знали все.

Медицинский пункт полка, благодаря усилиям капитана И. Саяпина, десантники превратили в центр оказания помощи раненым. Сюда ехали все машины скорой помощи, руководство которыми тоже взяли на себя десантники.

Как и положено, это было твердое руководство. Каждому определялся маршрут, объект, число раненых и степень тяжести ранения. Всего врачами И. Саяпина было сделано 2 тысячи операций!

Важно и другое – принятыми мерами десантники способствовали усилению материальной помощи пострадавшим районам. Только за две недели были задержаны 318 автомобилей с различными грузами и 36 кранов, которые пытались похитить. На дорогах от Еревана до Ленинакана и Спитака была создана система постов, подвижных патрулей, пунктов регулирования движения, узлов связи, которые обеспечивали быструю и точную доставку помощи.

Утром, восьмого декабря генерал вызывает меня к себе в кабинет.

– Озерянин, слушайте боевую задачу. Подготовьте и возьмите с собой ДДА. Сами садитесь в санитарный УАЗик и отправляйтесь в Спитак. Ваша основная задача – проверить, как разместился наш арtpолк. В каких условиях. С учетом того, что там сейчас перебиты и порваны все коммуникации, меня интересует водоснабжение и санитарные условия в полку. Проверьте и возможно что там на месте, с командиром полка решите, как улучшить их положение. Дезинфекционно-душевой автомобиль берите для того, чтобы личный состав полка мог помыться и продезинфицировать свою форму одежды. Вам все понятно?

– Так точно, товарищ генерал.

– Сразу по возвращению приходите сюда и доложите мне обо всем, что увидите.

– Есть товарищ генерал! Разрешите выполнять?

– Да.

По быстрому готовлю свою микроколонну к путешествию на расстояние в девяносто восемь километров. И в двенадцать часов дня выезжаем. На ощупь, без карты, и без понятия куда ехать. Опрашиваем местных жителей и выбираемся на ту дорогу, куда нам надо. Выхав за город, обнаруживаем, что мы в ту сторону двигаемся далеко не одни. Сплошной поток транспорта медленным темпом движется в направлении Спитака и других пострадавших населенных пунктов.

Мы вынуждены подчиниться движению в колонне. На горных дорогах особо не на обгоняешь. Я вообще впервые в настоящих горах, без проводника, без подсказчика.

Если в долинах зима похожа на монотонно затянувшуюся осень, то здесь, на высоте в два-три километра, зима настоящая. И снег, и мороз, и ветер. Снег при этом периодически, то мокрый, и залепляет лобовое стекло, то сухой. Дворники у моего Киреева, как и положено у военного водителя, не работают, но

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.